

Ст. преподаватель
кафедры истории СОГУ
Л.Х. Батагова

Особенности развития современного терроризма на Северном Кавказе

(историко-политологический анализ)

Л.Х. Батагова

Трагические события 11 сентября 2001 года способствовали переосмыслению современных геополитических реалий, концепций национальной и международной безопасности. Их научный анализ позволяет сделать некоторые выводы относительно природы, механизмов и причин терроризма.

Следует заметить, что при анализе глубинных причин современной ситуации одни склонны опираться на теорию межкультурных конфликтов, другие указывают на вызов «бедного Юга» «богатому Северу», третьи обращаются к конспирологии и пытаются искать заговоры «мировой закулисы», четвертые считают, что новая международная ситуация может считаться таковой лишь весьма условно и что террористический вызов – явление, имеющее глубокие корни в истории и человеческой психологии [1].

В этой связи наиболее актуальным становится критическое осмысление тенденций развития современного мира, вскрытия социальной, экономической, политической и психологической природы терроризма и причин превращения его в доминирующий фактор мировой политики [1].

На наш взгляд, следует рассмотреть глобальную проблему, решение которой зависит от совместных и продуманных усилий органов государственной безопасности, политических, общественных и религиозных сил и научного сообщества.

Проявления экстремизма на уровне этнических и религиозных общностей возрастают в периоды начавшихся исторических перемен. Как отмечают Л.М. Дробижеева и Э.А. Паин, «в таких условиях почти неизбежен так называемый «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками политического экстремизма, а именно: возрождается инте-

рес людей к консолидации в первичных, естественных или, как их еще называют, примордиальных общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются проявления ксенофобии; возрастает влияние идеологии традиционализма, перерастающей зачастую в фундаментализм (идея очищения от нововведений и возврата к истокам)» [2]. Далее они продолжают, что «... процесс консолидации в примордиальных общностях способен породить рост ксенофобии, поскольку в ее основе лежат те же социально-психологические механизмы противопоставления первичных общностей по принципу «мы» – «они». К такому противопоставлению в переломные периоды обычно добавляется еще и негативная оценка чужаков («они» хуже «нас», «мы» – жертвы их происков), поскольку поиск внешнего врага, виновника «наших» бед почти неизбежен в условиях дискомфорта, сопровождающего исторические перемены» [2, с. 45].

Ксенофобия как предтеча этнического и религиозного экстремизма также возникает в результате самоутверждения примордиальных общностей на основе негативизма [2, с. 45]. Она является спутником всех цивилизаций с момента их зарождения и до сегодняшних дней. Проявления ксенофобии можно выявить на всех этапах исторического развития.

За годы реформ в России выросло поколение молодых людей с очень низкой культурой межнационального общения, проблематичной гражданской уязвимостью, которые легко попадают под влияние различных политических течений. Социальная нестабильность здесь порождает неуверенность в завтрашнем дне. Как отмечает американский криминалист Т. Эванс, «подростки из малообеспеченных семей считают себя заранее обреченными на проигрыш. Они не верят, что способны добиться успеха. Поэтому у них возникает тенденция брать от жизни все,

что можно, и когда можно. Это приводит к насилию» [3].

Особую опасность представляют молодые люди, не имеющие возможности найти работу, не обладающие способностью преодолевать трудности, болеющие алкоголизмом, наркоманией, склонные решать свои проблемы путем насилия.

Следует отметить, что негативизм, как правило, растет в периоды массовой дезориентированности, неуверенности и тревоги. Переломные моменты в ходе общественного развития закладывают предпосылки для возникновения экстремизма, повышают к нему интерес людей, испытывающих трудности материального характера.

Следует выделить следующие предпосылки социального характера, способствующие развитию терроризма в России в кризисный переходный период:

1. Снижение жизненного уровня, повлекшее за собой беспрецедентную социальную дифференциацию, которая вызвала к жизни такие социально-психологические факторы, как зависть, ненависть, злобу и т.п.

2. Рост безработицы и возникновение зон упадка, в результате чего возникли проблемы миграции, бродяжничества и т.д.

3. Потеря статуса и кризисное положение ряда социальных и профессиональных групп.

В сочетании с многочисленными этнополитическими и конфессиональными конфликтами, эти проблемы создают почву для развития терроризма. Исследователь терроризма И.А. Рычков считает, что «терроризм в настоящее время является одной из наиболее острых угроз для жизненно важных интересов личности, общества и государства. Это явление представляет опасность прежде всего для политической системы Российской Федерации, ее конституционного строя, общественной безопасности и эффективности государственного управления» [4]. Анализируя проблемы безопасности страны, он выделяет внутренние и внешние причины терроризма. Он считает, что к основным внутренним причинам террористических проявлений в России относятся: борьба за передел собственности и за политическую власть, нередко принимающая противоправные формы, попытки изменения государственно-правового статуса отдельных регионов, межэтнические противоречия и конфликты, идеологический раскол и криминализация общества, рост организованной преступности и коррупции, образование устойчивых очагов сепаратизма. К внешним причинам он относит ретрансформацию геополитических притязаний сопредельных с Россией и СНГ государств к Российс-

кой Федерации, угрозу союзникам России – странам СНГ со стороны экстремистских сил в соседних странах, перенос на российскую территорию противостояния некоторых зарубежных политических сил (палестинцы, курды и др.) с их политическими противниками [4].

Следует отметить, что проявления экстремизма и терроризма возможны практически в любой части мира, но в большей степени они возникают в зонах, где происходят процессы модернизации и культурной маргинализации, чем и объясняются вспышки экстремизма в «исламском мире». Важным фактором возникновения экстремизма и терроризма выступает урбанизация, которая способствовала концентрации сельского населения в городах. Это обеспечило расширенное воспроизводство маргинальных слоев населения – массовой социальной базы экстремизма. Незавершенность процессов национально-государственной консолидации также способствует развитию экстремизма. В основе консолидации общества лежит ислам, что повышает политическое значение религии, оспаривающей у светской власти свою роль в управлении государством. Возникают военизированные религиозно-политические организации и движения, которые ведут активную пропаганду политического экстремизма («Хамас», «Талибан», «Аль-Каида» и др.). В исламском мире основой межгосударственных, международных отношений становится религия, что создает предпосылки для глобального цивилизационного кризиса.

Не менее важную роль в возникновении предпосылок экстремизма и терроризма играют особенности индустриализации этой части мира. В арабских странах и в Индонезии – нефтяная индустрия, в Афганистане и Пакистане – производство наркотиков – факторы, в наибольшей степени, приводящие к маргинализации общества, к развитию экстремальных политических течений. Здесь экстремизм и нелегальная экономика развиваются в тесной связи.

Экстремизм и терроризм являются порождением дисгармоничного развития в социальной, политической и культурной среде. Превращение экстремизма в особую идеологию и политическую практику – это дело рук конкретных людей и групп.

Социологи и антропологи подчеркивают элитарный характер идеологии насилия. Доктор исторических наук, профессор В.А. Тишков замечает по этому поводу: «Те, кто производит субъективные предписания к насилию или создает морально-доктринальную аргументацию, сами, как правило, не воюют. Рекрутирование исполните-

лей насилия идет из другой среды. Этой средой чаще всего являются сельские молодые мужчины или городские маргиналы» [5]. В современной этнополитологии существуют различные научные направления, в которых основное внимание уделяется изучению роли «этнических и религиозных предпринимателей», людей, делающих политический капитал на эксплуатации ксенофобий. Наиболее полно механизмы манипулирования были рассмотрены бывшим сотрудником Центра этнополитических и региональных исследований А. Поповым. Изучая механизмы манипулирования, он выделил три основные стадии этого процесса. Первая стадия – «эмоциональная актуализация ксенофобий». При ней все прошлые и настоящие, действительные и мнимые обиды подаются в заостренной форме как свидетельства национального унижения и оскорбления, что, естественно, затрагивает струны человеческой психики, честь и достоинство какой-либо определенной религиозной группы или этноса. В этом плане примером служит Чечня. Профессор В.А. Тишков считает, что в возбуждении массового сознания и мобилизации чеченского народа на борьбу с центральной властью немалую роль сыграли «некоторые литературные произведения чеченских авторов, многочисленные публикации местных и московских историков и других обществоведов, переводные сочинения, националистическая литература из других регионов СССР, которые пестовали трагико-драматический или геройский облик чеченской истории и чеченцев и вызывали к восстановлению исторической справедливости, к реваншу над прошлым» [5, с. 11].

Вторая стадия группового манипулирования – «практическая ориентация групп» – заключается в том, что массовое сознание, разогретое пропагандой, направляется на конкретные свершения с помощью привлекательных политических целей, программ. А. Попов отмечает, что «изготовленная ими программа может быть примитивной, сработанной по каналам программных кличей и рассчитанной исключительно на люмпенов, но может быть и развернута в эстетически привлекательную идеологическую систему, способную мобилизовать широкие слои населения» [6].

Третья стадия – «моральная легитимизация населения». На этой стадии намеченные цели, программные установки и практические шаги должны быть санкционированы общественным мнением, после чего любые акции, влекущие за собой беспорядки и кровопролитие, будут оправданы и отвечать интересам той или иной нации или какой-либо конфессии.

Следует отметить также, что политический экстремизм и терроризм были бы невозможны без ошибочных действий властных структур. Террорист А. Кара-Мурза замечает по этому поводу: «Терроризм – это действия, направленные на уравнивание шансов или на слом игры... С точки зрения самих террористов их действия – это форма восстановления попорченной справедливости» [7].

На современном этапе терроризм развивается в нескольких направлениях: левом антисистемном, этно-мотивированном, правом и исламистском. Важным моментом современного развития терроризма является выход на первый план религиозно-мотивированных исламских движений радикального толка.

Во второй половине XX века в международном террористическом сообществе доминирующее положение занимало левое террористическое движение.

В настоящее время половину действующих террористических группировок составляют исламские организации, основной целью которых является создание государств, основанных на исламских традициях и правовых нормах. Исламский терроризм – это наиболее опасная разновидность современного терроризма. Мощными факторами возникновения во второй половине XX века радикальных движений и построений стали исламская революция 1978–1979 годов в Иране и война в Афганистане. В начале 1980-х годов одновременно с левонационалистическими палестинскими организациями появляются Палестинский исламский джихад и «Хезбола». В 1988 году возникает мощная исламская террористическая организация «Аль-Кайда». Активность исламских террористических группировок возросла после окончания «холодной войны», и в особенности войны в Афганистане. В начале 1990 годов появляются первые очаги исламской террористической войны в Египте, Алжире, Боснии и Таджикистане. В 1998г. лидер Аль-Кайды Усама Бен Ладен объединяет ряд крупных исламских террористических организаций, которые действовали в Египте, Пакистане, Бангладеш и Афганистане, в Международный исламский фронт борьбы с евреями и крестоносцами [8].

В 90-х г.г. XX в. возрастает активность и опасность исламского экстремизма. Это связано с тем, что исламские террористические группы:

- объединяются в исламские сети;
- проникают в различные сепаратистские и экстремистские группировки, которые действуют в исламских государствах, подчиняя их себе;

- пользуются прямой и косвенной финансовой и организационной поддержкой со стороны ряда исламских государств;

- опираются на многочисленные благотворительные организации и фонды, а также религиозные учреждения (мечети, религиозные школы), являющиеся системой сбора финансовых средств, рекрутирования новых членов террористических групп и их идеологической подготовки;

- мотивированы агрессивной идеологией, имеющей универсальный характер, в основе которой лежит идея «священной войны» (джихада) против неверных и вероотступников;

- в качестве зоны действия выбирают не только собственно мусульманские страны, но все те государства, в которых существуют исламские диаспоры;

- ориентируются на акции, причиняющие массовые потери мирного населения, а также на широкое использование террористов-самоубийц (шахидизм);

- действуют по многократно отработанной схеме, предложенной одним из основателей радикального ислама Сайидом Кутбом: а) распространение своей идеологии путем активной проповеднической деятельности, б) создание организационных структур и вербовка членов, в) политическая деятельность с целью захвата власти [9].

Следует признать, что численность исламистских террористических организаций на сегодняшний день весьма значительна. Большая часть руководящих центров исламских экстремистских и террористических организаций, многие благотворительные, социальные и религиозные организации, занимающиеся сбором финансовых средств, рекрутированием новых членов, находятся в Европе. Здесь же создается разветвленная политико-идеологическая система и инфраструктура, которая в будущем может быть превращена в эффективную террористическую сеть, опирающуюся на мусульманское население европейских государств.

В настоящее время в европейских государствах растет недовольство увеличением мусульманского населения. Наиболее сильные антимульманские настроения наблюдаются в странах Северной Европы.

Многие политические деятели и эксперты требуют от правительств Европейских государств принять эффективные меры против проникновения мусульман в Европу, так как видят в этом исторический реванш исламской цивилизации. Например, французский исследователь А. Дель Валь отмечал: «Европейские нации дол-

жны рассматривать возникновение геополитического исламистского пространства, как серьезную угрозу, одновременно близкую и имеющую разнообразные формы. Угроза очень близка, так как исламская умма, обычное местонахождение которой – к югу и востоку от Европы, имеет тенденцию все больше распространяться посредством устойчивых гнейников, число которых растет в некоторых крупных столичных городах и регионах, в самом сердце Европы. На западе эти гнейники подпитываются неподконтрольной внеобщинной исламской иммиграцией (над чем «трудятся» меньшинства исламских активистов), а на востоке – воссозданием европейских мусульманских государств (албанские анклавы Македония и Косово, Босния, Санджак и Албания), связанных с исламскими государствами» [10].

Религиозная мотивация террористической деятельности не является чем-то новым. Подъему исламского терроризма в конце XX в. способствовал ряд обстоятельств.

«Исламская революция» в конце 1970-х гг. в Иране и возникновение там теократического государства продемонстрировали мусульманским народам возможность создания государства, основанного на фундаменталистских исламских принципах.

Война в Афганистане привела к формированию многочисленного «международного сообщества» «моджахедов». Исследователь исламского радикализма С. Багдасаров отмечает, что к моменту окончания войны в Афганистане насчитывалось около 10 тыс. выходцев из других мусульманских государств [9]. После окончания войны группы боевиков, в том числе и лидер «Аль-Кайды» Усама Бен Ладен, стали важной составной частью исламистского террористического движения.

Война против саддамовского режима в Ираке в 2003 г. привела к противостоянию исламского радикализма и государств международной коалиции, что вылилось в многочисленные террористические акции.

В результате создания Палестинской администрации в 1939 г. в секторе Газа возникли своего рода террористические анклавы, в которых была сосредоточена инфраструктура исламского терроризма.

Следует отметить, что обострение арабо-израильских отношений, война против режима Саддама Хусейна, пакистано-индийский конфликт в настоящее время являются мощными факторами мобилизации исламского терроризма. Вожди современных исламских террористических организаций провоцируют репрессии, сле-

дующие за каждым террористическим актом. Такие репрессии приводят к террористам новых сторонников. Известный исламист Жиль Капель отмечал: «Переход к насилию как способу мобилизации сторонников отнюдь не нов для радикальных организаций, и в этом отношении исламисты не являются первооткрывателями. Два десятилетия ранее, когда коммунистическая идеология начала утрачивать свою привлекательность... возникли итальянские «Красные бригады», немецкая «Фракция Красной Армии» и организация Карлоса. Вдохновители массового террора надеялись таким образом пробудить революционную сознательность масс, привлечь их на свою сторону с помощью известного механизма «провокация-революция» [11].

Важным фактором возникновения распространения исламских террористических движений в странах мусульманского мира являются социально-экономические проблемы.

Социально-экономические трудности порождают разочарование в концепциях национализма, либерализма, в левых взглядах, что стимулирует обращение к традиционным идеям и ценностям, антизападные и антимодернистские настроения, объясняя возникающие проблемы попытками реализовать идущие из христианского мира чуждые исламскому миру идеи. Причины такого характера, способствующие возникновению исламского терроризма, – явление, имеющее долгосрочный характер. Нищета и социальная несправедливость не могут быть преодолены за короткий срок даже при условии серьезной экономической помощи.

Безработица и нищета, конечно же, способствуют росту экстремизма и террористических движений в исламском мире. На планете немало стран, где социально-экономическое положение народных масс оставляет желать лучшего. В этих регионах нет терроризма, но здесь есть вспышки насилия, и они имеют традиционный характер. В России имеются регионы, где уровень жизни не выше, чем на Северном Кавказе. Однако террористическая активность связана именно с Северным Кавказом, для которого характерным является не столько бедность, сколько нехватка земли и широкое распространение экстремистских исламских настроений. По этому поводу член-корреспондент РАН В.А. Тишков замечает: «Сегодня распространено мнение, что корни насилия, включая терроризм, надо искать в низком уровне жизни населения и в депрессивности экономики того или иного региона...»

Это один из мифов обществоведческой экспертизы, который имеет серьезные политические последствия. Следует развести два понятия.

Одно дело – недостаточный уровень развития и слабая занятость населения, что действительно есть и всегда было на Северном Кавказе с его скромными природными ресурсами и трудоизбыточным населением. Другое дело – бедность, которой на Северном Кавказе нисколько не больше, чем в большинстве регионов страны, и уж, конечно же, меньше, чем в центральных российских областях и в южносибирских автономиях (Тува, Алтай, Хакасия). Необходимо смотреть такие показатели, как размеры и качество жилья, владение автомобилями, число студентов вузов и прочее. И тогда получится, что Северный Кавказ – вовсе не зона бедности» [12].

Исходя из сказанного, следует отметить, что современный исламский терроризм является результатом не только трудностей социально-экономического развития, но, как отмечают некоторые эксперты, в основе роста экстремистских настроений лежит противостояние традиционной и постиндустриальной цивилизаций. Например, российские исследователи Э.А. Паин и Л.М. Дробижина пишут: «Исторические примеры показывают, что в замкнутых, застойных обществах, например, у бушменов Южной Африки или у индейцев майя в Мексике, находящихся на крайне низких уровнях экономического и социального развития, ничего похожего на политический экстремизм, а тем более терроризм, не проявляется. Эти явления заметны в обществах, вступивших на путь трансформации, и концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни, и в современных постмодернистских обществах с выраженной поляризацией населения по этносоциальному признаку» [13].

Краткие выводы. Одной из главных особенностей современного международного терроризма, его важнейшим свойством является то, что он сегодня использует современные технологии. Следует отметить, что традиционный терроризм не затрагивал основ мирового сообщества, не способен был продуцировать его системный кризис. Однако террористические акты, проведенные в жилых домах в Москве, Каспийске, Волгодонске и других российских городах, использование чеченскими боевиками в 90-е годы XX века специальной техники и вооружения для поражения конкретных целей, взрыв Всемирного Торгового Центра в Соединенных Штатах Америки и др., свидетельствуют о появлении терроризма нового поколения, базирующегося на использовании современных достижений науки и техники.

Другой важной особенностью современного терроризма является умение манипулировать общественным мнением в т.ч. и международным, оказывать влияние на население с помощью средств массовой информации и направлять его в нужную для себя сторону. Следует признать, что

чаще всего террористы в большей степени влияют на общественное мнение, нежели соответствующие государственные институты. Такая ситуация была характерной для постсоветской России в первые годы борьбы с терроризмом на Северном Кавказе.

Литература

1. **Терроризм** и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. – М.: Институт политического и военного анализа, 2002. С.5.
2. **Социальные** и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. – М., 2002. С. 44–45.
3. **Малов Ю.** Продолжайте улыбаться. – М., 1984. С. 9.
4. **Ответ** терроризму и повстанческим движениям в центральной Азии // Материалы международного семинара (Москва, 24–25 ноября 2001 года). – М., 2002. С.53.
5. **Тишков В.А.** Насилие: Хрестоматийные подходы. Тезисы доклада на конференции: *Conflikts in multiethnic societies*. Washington, November 5–8, 2001.
6. **Попов А.** Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Ред. М. Олкатт, В. Тишков – М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 282.
7. **Грушин Б., Делягин М., Кара-Мурза А., Тарасов А.** Слабость, которую не победить силой: как быть большинству, если меньшинство желает уравнивать шансы ценой терроризма // *Общая газета*, 2001. 20–26 сентября.
8. **Супертерроризм:** новый вызов нового века / Под общей редакцией А.В. Федорова. – М., 2002. С. 180.
9. **Багдасаров С.** Исламский радикализм – что делать? // *Независимая газета*. 14 сентября 2004. С. 11.
10. **Walle A.D.** *Islamisme et Stats – Unis: Uhe allians contre Europe Lausanne*, 1999. P. 182.
11. **Капель Ж.** Джихад. Экспансия и закат исламизма. – М., 2004. С.9.
12. **Тишков В. А.** Кризис понимания России // *Эксперт*, 4–10 апреля 2005. №13. С.87–88.
13. **Дробижева Л.М., Паин Э.А.** О социальных предпосылках терроризма // *Терроризм в современном мире: Истоки, сущность, направления и угрозы* / Отв. Ред. В.В. Витюк и Э.А. Паин. – М., Институт социологии РАН, 2003. С. 42–43.

